

Образ Дон Кихота как мерило национальной испанской идентичности в трудах испанских философов

О.В. Федосова
(Россия)

Resumen

La imagen de Don Quijote es analizada en este informe como el punto de partida en las investigaciones de filósofos españoles relacionadas con la búsqueda de la identidad nacional española. Según la opinión de Miguel de Unamuno, Cervantes consiguió encarnar en Don Quijote todos los rasgos fundamentales de la personalidad española: el sentimiento trágico de la vida, el idealismo, el individualismo, el personalismo y otros. Pero la peculiaridad especial, propia a todos los españoles, es la ambigüedad, encarnada en la unidad dialéctica de Don Quijote-Sancho Panza.

Среди комплекса базовых представлений нации о себе и своей идентичности определенное место обязательно занимают представления о своем национальном характере. Какие мы? Что нас отличает от других наций? Почему мы такие, а не другие? – этим вопросом людям свойственно задаваться как на бытовом уровне, так и на уровне общественной и художественной мысли. Наиболее интенсивные размышления на эту тему характеризуют литературную и философскую мысль начиная с XIX века, но первые попытки осмыслить собственную национальную идентичность относятся к гораздо более раннему периоду. В Испании это XVI–XVII века.

Общеизвестно, что в Испании философскую традицию в осмыслении мира и собственной идентичности на протяжении долгого времени заменяла литература. Образ Испании, ее национальный дух и характер отражены в стихах и рукописях святой

Тересы де Хесус, драмах Педро Кальдерона, поэзии Луиса де Гонгоры и Франсиско де Кеведо, комедиях Лопе де Веги и Тирсо де Молины и многих других литературных источниках. Но даже если бы не было десятков, а может и сотен произведений, где так или иначе обозначена затронутая проблема, одного только романа о Дон Кихоте было бы достаточно, чтобы понять, в чем заключается суть испанского национального характера и что сами испанцы думают о себе. Десятки произведений, в которых национальный испанский характер и виденье мира рассматриваются сквозь призму образа Дон Кихота, позволяют выделить то общее, что ему присуще с точки зрения самих испанцев.

К образу Дон Кихота в процессе осмысления национальной идентичности только в XX в. обращались С. Рамон-и-Кахаль, А. Бонилья-и-Сан-Мартин, Александр А. Паркер, А. Кастро, С. де Мадариага, М. Менедес-и-Пелайо, мыслители «поколения 98-го года» (Х. Ортега-и-Гассет, Р. де Маэсту, Х. Мартинес Руис (Асорин), М. де Унамуно, А. Мачадо), поэты «поколения 27 года» (Р. Альберти, Ф. Гарсиа Лорка и др.), композиторы Мануэль де Фалья и Оскар Эспла. Из современных мыслителей нельзя не упомянуть Гильермо Диаса-Плаху (Díaz-Plaja, 1977), Амандо де Мигеля (Miguel, 2000) и Марию Самбрано (Zambrano, 2002). Этот явно неполный перечень известных имен показывает, насколько значимым для понимания испанского национального характера является произведение Сервантеса и созданные им образы.

Среди названных имен особое место принадлежит Мигелю де Унамуно. Попытки осмыслить национальную испанскую идентичность занимали центральное место в трудах этого выдающегося философа, и образ Дон Кихота в этом смысле является

для него краеугольным. Достаточно упомянуть такие книги, как «Жизнь Дон Кихота и Санчо» (*Vida de Don Quijote y Sancho*, 1905) и «О трагическом чувстве жизни у людей и народов» (*Del sentimiento trágico de la vida*, 1913), которые являются центральными для понимания того, что в концепции Унамуно означает «суть и сущность» испанского национального характера. По мнению писателя, эта суть была гениально прочувствована и воплощена Сервантесом: «И есть образ, образ трагикомический, образ, в коем явлен весь глубочайший трагизм человеческой комедии, образ Господа Нашего Дон Кихота, испанского Христа, который запечатлевает и хранит в себе бессмертную душу моего народа. Быть может, страсти и смерть Рыцаря Печального Образа – это страсти и смерть испанского народа. Его смерть и его воскресение» (Унамуно, 1996, с. 273). Собственные труды Мигеля де Унамуно как философа и испанца подтверждают прозрение Сервантеса, а также стабильность и независимость от времени основных характеристик испанской ментальности.

Центральным чувством в собственном мироощущении, проистекающим из общего для всех испанцев ощущения мира, Унамуно называет «*трагическое чувство жизни*». Именно под таким общим названием выходит сборник его философских эссе. «То, что я называю трагическим чувством жизни у людей и народов, – пишет Унамуно, – есть, по крайней мере, наше, испанское, трагическое чувство жизни, чувство испанцев и испанского народа, как оно отражается в моем сознании, которое является сознанием испанским, в Испании рожденным» (Там же, с. 272). Это трагическое чувство жизни, присущее испанскому национальному сознанию, вытекает из страстного желания бессмертия или, иначе говоря, страха смерти,

«голода по бессмертию», в результате чего вся жизнь переживается «как преодоление смерти». Надежду на обретение бессмертия испанцу дает католическая вера. Преодоление смерти достигается приближением к Богу. Именно поэтому вся жизнь становится «преодолением смерти», но она не теряет ощущения «трагического», превращаясь в трагическое преодоление смерти; жизнь ощущается как трагедия в осознании вечно недостижимого идеала бессмертия.

В основе трагического мироощущения испанцев, как и вообще в основе их мировидения, лежит католицизм, получивший здесь особое, народное, осмысление. «Наше трагическое чувство жизни это не что иное, как католическое чувство жизни, – пишет Унамуно, – ведь католицизм, и особенно народный католицизм – трагическая религия» (Унамуно, 1996, с. 272). Писатель отмечает, что испанский народный католицизм – совершенно особая система мировоззрения, которая не зависит от отношения человека к религии. Испанский католицизм – это уже больше, чем просто религия, это национальное мировоззрение. «Мы, испанцы, – осознанно или неосознанно, вольно или невольно – являемся католиками, даже если кто-то из нас мнит себя рационалистом или атеистом», – утверждает М. де Унамуно (там же). Для народного католицизма характерно особое, личностное, понимание образа Иисуса Христа как воплощения истинно испанского характера и обожествление личности в лице Девы Марии, стремление представлять фигуру Богородицы как Родину-Мать-Испанию. «Итак, на моей родине, в Испании, в моем испанском народе, народе агоническом и полемическом, есть культ агонизирующего Христа; но есть также и культ Девы всех печалей, Девы скорбящей, сердце которой пронзают семь кинжалов. Это совсем не то же самое, что культ итальянской *Pieta*. Здесь

поклоняются не столько Сыну, покоящемуся на коленях у Матери, сколько самой Деве Матери, которая в муках агонизирует вместе с Сыном, сжимая его в своих объятьях. Это культ агонии Матери Христа» (там же, с. 311).

Католицизм лежит и в основе *идеалистического восприятия жизни*, свойственного испанцам. Испанцы – нация, которой чужд рационализм, в их ощущении мира на первом месте стоят чувства, интуиция, созерцательность, их мысли обращены в сторону идеального. «Чувствовать себя человеком – это нечто гораздо более очевидное, чем мыслить» (Унамуну, 1996, с. 286), – считают испанцы. Безумство Дон Кихота – это в первую очередь протест против рационализма наступившего века (эпохи Нового Времени – эпохи господства ratio). Дон Кихот безумен с точки зрения человеческого разума (общевропейского рационализма), но его безумие мнимое, это проявление высшей мудрости, и в этом его героизм. Безумие Дон Кихота сродни безумию блаженного, который сознательно надевает на себя эту личину, отдаваясь на поругание толпе ради приближения к Богу и обретения Небесного царства.

Трагизм испанской личности, воплощенной в Дон Кихоте, – это также трагизм разлада между реальным и идеальным миром, невозвратно ушедшим в прошлое вместе со Средневековьем. «Философия, заключенная в душе моего народа, представляется мне выражением внутренней трагедии, аналогичной той, что происходит в душе Дон Кихота, выражением борьбы между миром, как он есть, как он представлен нам разумом науки, и миром, каким мы хотим, чтобы он был, миром, соответствующим тому, что говорит о нем наша вера, наша религия (там же, с. 293).

С трагическим ощущением жизни в испанском мировидении неразрывно связано *смеховое начало*. Трагедия порождает смех, и смех усиливает трагическое ощущение жизни. Источник этого смеха – ускользающий идеал бессмертия и вечный призрак смерти, маячащий в сознании и внушающий страх. «Но разве дело только в страхе? О, нет! – восклицает писатель. – Ведь есть и другая, еще более трагическая Инквизиция, та, которую современный культурный европейский человек – каковым вольно или невольно являюсь я сам, – несет в своей душе. Это чудовищный смех, смех над самим собой, раздающийся у меня внутри. Это мой разум смеется над моею верой и презирает ее» (Унамуно, 1996, с. 278).

Но есть и другой смех – смех как добровольное самоосмеяние. Этот смех обладает очистительной силой. Его природа амбивалентна. Он принижает и возвышает одновременно. «Дон Кихот выставил себя на посмешище, но разве можно себе представить смех более трагический, чем смех рефлексивный, смех в собственных глазах? Превратите свою собственную душу в поле брани, на котором сражается Дон Кихот; начните в душе бороться за спасение Средневековья от Ренессанса, за то, чтобы не потерять этого сокровища нашего детства; сотворите своего внутреннего Дон Кихота – а также Санчо, тоже внутреннего и тоже по-своему героического, – вот тогда и говорите мне, что эта трагедия комическая», – пишет Унамуно (Там же, с. 295).

В испанском народном сознании смех понимается как высшая мудрость, как «преодоление смерти», то есть как приближение к Богу. Именно поэтому Мигель де Унамуно сравнивает Дон Кихота с Христом: Дон Кихот добровольно обрекает себя на насмешки и осмеяние ради спасения души своего народа, как Христос принял

порушение и распятие ради спасения душ человеческих. Именно поэтому Унамуно считает, что «величайший героизм как для индивида, так и для народа – это способность устоять перед насмешкой, вернее, способность выставить себя на посмешище и не дрогнуть» (там же, с. 288 – 289). Именно поэтому спасение нации он видит в обращении к своим истокам, то есть, к своей «средневековой душе»: «Мы должны идти по стопам Дон Кихота, искать насмешку» (там же, с. 289).

Важнейшим качеством испанского менталитета Унамуно считает глубокий, укоренившийся в нем *индивидуализм*, имеющий своими корнями народное понимание католической веры. «Индивид – цель Вселенной, и мы, испанцы, чувствуем это очень глубоко», – пишет он (Унамуно, 1996, с. 286). В этом смысле индивидуалистом был и Дон Кихот. Свой индивидуализм подчеркивает и сам писатель Мигель де Унамуно, перефразируя известное изречение в духе истинно испанского индивидуализма: «*Homo sum, ergo cogito: cogito ergo sum Michael de Unamuno*» и заявляя, что «История, культурный процесс находит свое полное завершение и свою действительность не в чем ином, как в индивиде; цель Истории Человечества это мы, отдельные люди, каждый человек, каждый индивид» (там же).

Подобное понимание своей индивидуальности может принимать две не просто различные, но противоположные формы, обе из них свойственны испанской ментальности. В первом случае индивидуализм проявляется в концентрации исключительно на самом себе, своих желаниях, защите своего личного пространства, – такой индивидуализм, по мнению писателя, является разрушительной силой. Другая форма проявления индивидуализма в испанской ментальности – это *персонализм*. Испанский персонализм объединил в

себе три ведущих свойства испанского психотипа: помимо индивидуализма, это склонность к мессианству и страсть, лежащая в основе всех действий испанца. М. де Унамуно так объясняет мотивы поведения подобного типа личности: «<...> так как индивид осознает себя в обществе, он осознает себя и в Боге, и инстинкт увековечения пробуждает в нем любовь к Богу и милосердие Господне, он стремится увековечить себя в других, увековечить дух свой, сделать его бессмертным, вытащить гвозди из тела распятого Бога, он хочет запечатлеть свой дух в душах других людей и в свою душу принять их образ» (там же). Именно такую миссию как истинный сын Испании возложил на себя Дон Кихот.

И еще одна черта испанского менталитета, присущая Дон Кихоту и выделяемая Унамуно как черта национальной идентичности – это *чувство внутреннего одиночества*. «Дон Кихот, который был одинок, искал еще большего одиночества, искал уединения Бедной Стремнины, чтобы там, оставаясь наедине с собой, без свидетелей, отвести душу, предаваясь величайшим безумствам», – замечает Унамуно (1996: 296). «Дон-Кихот странствовал в одиночестве, один со своим Санчо, один со своим одиночеством», – отмечает он дальше (там же, с. 297).

Унамуно не уделяет большого внимания образу Санчо Пансы, с которым вдвоем (но при этом в одиночестве!) странствует Рыцарь Печального Образа. Не то чтобы Унамуно попросту забыл о нем, или верный оруженосец Дон Кихота случайно выпал из поля зрения писателя. Нет, Мигель де Унамуно намеренно игнорирует этот образ. Санчо Панса – это другая, приземленная, ипостась испанской природы, ее вторая сущность, не менее реальная и существенная, чем та, которую олицетворяет Дон Кихот. И так же, как высокая, худая, почти

бестелесная, водруженная на такого же высокого, худого и почти бестелесного коня фигура Дон Кихота вся устремлена ввысь, к небесам, коренастая, приземистая фигура Санчо Пансы, усаженная на низенького осла, тяготеет к земле, к ее простым радостям, о чем свидетельствует и прозвище Санчо – Панса (*panza* ‘брюхо, большой живот’). Потому-то Дон Кихот и странствует «в одиночестве, один со своим Санчо». Унамуну же посвящает свои очерки той стороне испанской природы, которая ему самому ближе, о которой ему хочется писать и рассуждать.

Вторая сущность испанского характера, так называемый «санчопансизм», нашла свое осмысление в трудах выдающегося современника Мигеля де Унамуну Хосе Ортеги-и-Гассета, но не потому, конечно, что она была ему ближе, а, возможно, потому, что, получив образование в Германии и часто и подолгу бывая там, он сумел взглянуть на Испанию отстраненным взглядом, не переставая быть при этом, как и все испанцы, любящим сыном своей родины. Не отрицая «кихотической» части души своих соотечественников (Ortega-y-Gasset, 1964), писатель все же считает, что в биноме «Дон Кихот – Санчо Панса», по крайней мере, на историческом отрезке, совпадающем с его собственной жизнью, господствует «санчопансизм» как воплощение массовой, ограниченной, мелкобуржуазной психологии: «В Испании бесповоротно восторжествовал вульгарнейший буржуазный идеал. И в высших, и в низших слоях царят откровенная пошлость и агрессивное мещанство. Ежеминутно, при всяком удобном случае масса затаптывает в грязь любой высокий душевный порыв» (Ортега-и-Гассет, 2003, с. 112).

Эта психология, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, по сути своей, деревенская, именно та, что воплощена Сервантесом в образе Санчо

Пансы: «Преодолев Пиренеи, путешественник моментально оказывается в стране землепашцев – отмечает философ. – И облик земли, и жесты, и неизменный набор мыслей и ощущений, и все связанные с этим достоинства и недостатки жителей – пронизаны сельским духом. <...>. Истории известны народы, навеки застывшие на деревенской, или примитивной, стадии. А деревня – всегда деревня. И прежде всего по духу, складу жизни. Проходит за веком век – селянину нет до того дела. Да и зачем, спрашивается, ему участвовать в каких-то исторических пертурбациях? Подобный индивид – узник неизменного растительного цикла (от сева до урожая), пленник своего крестьянского идеала» (Ортега-и-Гассет, 2003, с. 105). Психология Санчо Пансы – это не только отсутствие высоких душевных порывов и напряженной внутренней жизни, не только пассивность и нелюбознательность в отношении внешнего мира, но это также стремление получить все блага небес, не отрываясь от земли и не выходя из дому.

И все же верный спутник Дон Кихота отправился вслед за ним навстречу неизвестности и вполне вероятным опасностям, хотя и в надежде получить выгоду от его подвигов. М. де Унамуно считает, что в глубине души Санчо Пансы все же есть что-то от Дон Кихота: глубоко запрятанный кихотизм, и в определенные моменты жизни именно эта кихотическая сущность заставляет Санчо рисковать ради своего рыцаря, подменять его собой, попадать под влияние его идей. Именно кихотическая часть души Санчо Пансы привлекает внимание Мигеля де Унамуно, который пишет, что даже если Дон Кихот и умер в Испании, «как утверждают некоторые» (здесь намек на Х. Ортегу-и-Гассета), но, если он оставил после себя Санчо, «мы спасены, ибо теперь уже Санчо, раз его хозяин умер, станет странствующим

рыцарем. Или, во всяком случае, он ждет какого-нибудь нового безумного рыцаря, чтобы вновь последовать за ним» (Унамуно, 1996, с. 296).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. DE MIGUEL, A., 2002: *El espíritu de Sancho Panza (El carácter español através de los refranes)*, Madrid, Espasa Calpe, S.A..
2. DÍAZ-PLAJA, G., 1977: *En torno a Cervantes*, Pamplona, Eunsa.
3. ORTEGA-Y-GASSET, J., 1964: *Meditaciones de Don Quijote*, La Habana, Consejo Nacional de Cultura.
4. ZAMBRANO, M., 2002: *España, sueño y verdad*, Barcelona, Edhasa.
5. ОРТЕГА-И-ГАССЕТ, Х., 2003: *Бесхребетная Испания*, Москва, ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак».
6. УНАМУНО, М де., 1996: *О трагическом чувстве жизни у людей и народов. Агония христианства*, Киев, Символ.